УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 48, № 2. С. 9–17 **2026**

Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1275
EDN: TVHGPS
УДК 94(510).092

Всеобщая история

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

КОНТАКТЫ ПОСЛА СССР В КИТАЕ А. А. ПЕТРОВА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ И ГОМИНЬДАНА В 1945 – НАЧАЛЕ 1946 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена деятельности посла СССР в Китайской Республике Аполлона Александровича Петрова в 1945 – начале 1946 года и его контактам с представителями Компартии Китая и Гоминьдана. Это был сложный период в новейшей истории Китая, когда после окончания Второй мировой войны в стране на некоторое время установился хрупкий мир и проходили переговоры между китайскими коммунистами и Гоминьданом о будущем страны. Советское правительство в то время стремилось предотвратить новую вспышку гражданской войны, добиваясь, чтобы Китай был единым, а соглашение между двумя ведущими политическими партиями было бы достигнуто путем взаимных уступок. Очень важную роль в доведении этой позиции до китайской стороны сыграл посол СССР в Китайской Республике, видный ученый-китаевед А. А. Петров. Он встречался как с руководителями Национального правительства, так и с лидерами КПК и обсуждал с ними самые важные вопросы текущей повестки. Цель статьи – реконструировать ситуацию, сложившуюся во время переговоров в Чунцине между КПК и Гоминьданом и после подписания мирного соглашения, а также показать, какова была роль советской дипломатии и лично посла А. А. Петрова в поддержании контактов между двумя партиями. Новизна заключается в том, что до настоящего времени нет исследований, посвященных изучению жизни и деятельности А. А. Петрова.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, посольство СССР в Чунцине, А. А. Петров, КПК, Гоминьдан, Мао Цзэдун, Чан Кайши

Для цитирования: Самойлов Н. А. Контакты посла СССР в Китае А. А. Петрова с представителями Китайской компартии и Гоминьдана в 1945 – начале 1946 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 9–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1275

ВВЕДЕНИЕ

1945 год – год окончания Второй мировой войны – стал переломным и в новейшей истории Китая. Противостояние Коммунистической партии Китая (КПК) и Гоминьдана в схватке за руководство страной вступило в новую фазу. Многолетняя борьба китайского народа против крупномасштабной японской агрессии не только не примирила противоборствующие политические силы, но выявила новые противоречия между ними.

В конце августа 1945 года при посредничестве США и СССР в Чунцине (временной столице Китайской Республики) состоялись переговоры делегаций КПК и Гоминьдана. К этому времени ситуация в Китае коренным образом изменилась. В августе – сентябре 1945 года, воспользовавшись отступлением японских войск и подписанием 2 сентября акта о безоговорочной капитуляции Японии, гоминьдановские войска при поддержке американской транспортной авиации установили контроль над значительной частью Китая (3/4 территории), включая почти все крупные города. США передали им трофейное японское вооружение и оружие армии коллаборационистского «центрального правительства». В свою очередь, советские войска после вступления СССР в войну с Японией 8 августа 1945 года, разгромившие Квантунскую армию на северо-востоке Китая, передали коммунистам трофейное оружие японцев и армии марионеточного государства Маньчжоу-Го. Значительная часть этого оружия и даже военной техники во время войны не использовалась и в хорошем состоянии досталась частям 8-й и Новой 4-й армий, руководимым КПК, которая к концу войны контролировала особый Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся, значительные территории

© Самойлов Н. А., 2026

на северо-востоке и другие районы с общим населением около 120 миллионов человек. Таким образом, сразу же после изгнания японцев из Китая войска Гоминьдана и КПК оказались готовыми к новому вооруженному противостоянию. Однако необходимо учитывать и международный фактор. Эти события развивались сразу после окончания Второй мировой войны. Как США, так и СССР не были заинтересованы в немедленном начале новой конфронтации.

СССР только что пережил тяжелейшую кровопролитную войну, и вряд ли И. В. Сталин желал возобновления гражданской войны в Китае, рискуя при этом вступить в конфликт с США. К тому же 14 августа 1945 года между Советским Союзом и Китайской Республикой был подписан советско-китайский Договор о дружбе и союзе, расширявший круг возможностей СССР в этом регионе: аренда Порт-Артура и Даляня (Дальнего), совместное советско-китайское использование КВЖД, обязательство гоминьдановского правительства признать независимость Монгольской Народной Республики при условии проведения референдума.

Заинтересованность США в стабилизации ситуации в Китае также была обусловлена целым рядом причин, но уже иного рода. Американское руководство рассчитывало на развитие дружественных отношений с правительством Чан Кайши, подкрепляя их экономической и военной помощью, так как планировало сделать Китай опорой своего влияния в Восточной Азии. Единый и сильный Китай под руководством Чан Кайши при возможном допуске к управлению в целях «легитимности» других «демократических» сил должен был стать главной проамериканской стабилизирующей силой в Азии. Одновременно США, переходившие к политике «сдерживания советского влияния», стремились не допустить превращения Китая в союзника СССР и усиления влияния коммунистов в Китае. По этой причине подписание мирного соглашения между КПК и Гоминьданом и создание коалиционного правительства рассматривались американцами как способ интегрировать коммунистов в прозападную политическую систему, ограничив их связи с Советским Союзом. В экономическом плане сохранение территориальной целостности и государственного единства Китая должно было, по их мнению, обеспечить доступ американского капитала на китайские рынки. Посредничество, достижение перемирия и создание коалиционного правительства представлялись американскому руководству наиболее дешевым и эффективным способом спасти гоминьдановский режим от краха. Все это объясняло активное участие американского посла Хёрли в создании условий для переговоров КПК и Гоминьдана. Позднее та же стратегия была продолжена в рамках миссии Джорджа Маршалла (декабрь 1945 – январь 1947 года), целью которой также была попытка примирения сторон и создания коалиционного правительства. Таким образом, в конце 1945 года СССР и США по разным, во много противоположным причинам оказались заинтересованы в примирении (пусть даже временном) КПК и Гоминьдана.

ПОСОЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В КИТАЕ АПОЛЛОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕТРОВ

Роль советской дипломатии в рассматриваемый период очень существенна. Советское правительство стремилось предотвратить вспышку гражданской войны, добиваясь, чтобы Китай был единым, а соглашение между двумя ведущими политическими партиями было бы достигнуто путем взаимных уступок. Очень важную роль в доведении данной позиции до китайской стороны играл посол СССР в Китайской Республике Аполлон Александрович Петров (1907–1945).

До перехода на дипломатическую работу А. А. Петров был ученым-китаеведом. Он окончил Историко-лингвистический институт Ленинградского государственного университета, учился у академика В. М. Алексеева. С 1931 года обучался в аспирантуре Института востоковедения АН СССР, где начал заниматься китайской философией. В 1935 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ван Би и основные проблемы его философского мировоззрения (226–249 гг. н. э.)». В том же году он стал научным сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения, где продолжил изучать философию Древнего Китая. В 1936–1941 годах А. А. Петров занимал там следующие должности: научный сотрудник, ученый секретарь, заместитель директора Института. Параллельно он был доцентом на кафедре диалектического материализма в ЛГУ, где преподавал китайскую философию.

А. А. Петров был одним из первых, кто применил системный научный подход к изучению китайской философской мысли, перейдя от простого пересказа текстов к глубокому сущностному анализу. Его работы заложили основы новых методов советского китаеведения: глубокое знание древнекитайского языка (вэньяня) и текстологические исследования он сочетал с анализом социально-политического контекста эпохи.

В 1941 году А. А. Петров был приглашен на работу в Народный комиссариат иностранных дел. В мае 1942 года он был направлен в Чунцин, где тогда находилось Посольство СССР в Китае, на должность первого секретаря. В 1943 году он стал советником Посольства. С 3 апреля 1945 по 25 февраля 1948 года являлся чрезвычайным и полномочным послом СССР в Китае (вручение верительных грамот состоялось 8 мая 1945 года).

О том, почему ученый-китаевед, не имевший до этого опыта дипломатической работы, оказался на столь ответственном посту, косвенный ответ можно найти в воспоминаниях другого советского дипломата, работавшего в то время в нашем посольстве в Чунцине, А. М. Ледовского. Он писал о том, что в конце 1942 года в Москву для беседы с И. В. Сталиным, интересовавшимся положением дел в Китае, был вызван тогдашний посол СССР А. С. Панюшкин, который, отвечая на вопросы Сталина, рассказал, что

«в посольстве мало работников, владеющих китайским языком. Сталин посоветовал коренным образом поправить положение, укрепив дипломатические кадры китаистами… Это указание было немедленно выполнено» [3: 243].

В качестве посла А. А. Петров работал в Чунцине, а затем в Нанкине. Это был один из самых сложных периодов новейшей истории Китая, когда противостояние ведущих политических партий вступило в новую фазу. В эти трудные годы он являлся ключевым связующим звеном между Москвой и обеими противоборствующими силами – Национальным правительством во главе с Чан Кайши и Компартией Китая, возглавляемой Мао Цзэдуном. С октября 1945 года А. А. Петров проводил важные беседы как с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, так и с лидерами Гоминьдана, пытаясь содействовать стабилизации ситуации в стране. Он также курировал вопросы вывода советских войск из Маньчжурии и передачи контроля над этими территориями китайским властям.

По всем вопросам А. А. Петров находился в контакте с ведущими политическими деятелями Китая, и прекрасное знание глубинных корней китайской цивилизации помогало ему в этой деятельности. Он поддерживал контакты с членами правительства и руководством партии Гоминьдан, регулярно встречаясь с президентом Китайской Республики для обсуждения критических вопросов: перебазирования правительственных войск в северо-восточные провинции, вывода оттуда советских частей и общего развития советско-китайских отношений. Он вел беседы с министром иностранных дел Ван Шицзе о передислокации гоминьдановских войск в освобожденную Маньчжурию и передачи власти Национальному правительству, как того требовал договор 1945 года. У него были встречи и беседы практически со всеми политическими лидерами. Он общался с председателем Законодательного юаня Сунь Фо (сыном Сунь Ятсена), председателем Исполнительного юаня Сун Цзывэнем, вице-председателем Исполнительного юаня Вэн Вэньхао, генералами Чжан Чжичжуном и Ли Цзунжэнем, министром финансов Юй Хунцзюнем, бывшим послом Китая в СССР, лидером «либерального» крыла Гоминьдана Шао Лицзы и многими другими. С видной общественной деятельницей Сун Цинлин (вдовой Сунь Ятсена) А. А. Петров обсуждал итоги VI съезда Гоминьдана и внутреннюю обстановку в стране. И, конечно же, у него были встречи с руководством КПК: Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Ван Жофэем.

Деятельность посла А. А. Петрова в этот период разнообразна и многогранна. Он сумел соединить свои глубокие китаеведные познания с пониманием современной обстановки и благодаря этому вести тонкую дипломатическую игру. К сожалению, к настоящему времени нет ни одного исследования, посвященного жизни и деятельности Аполлона Александровича Петрова. Его имя упоминается лишь вскользь в работах общего характера [2], [3], [7]. Одним из немногих, кто дал развернутую характеристику научной деятельности А. А. Петрова, был академик В. С. Мясников, который писал об изучении им научного наследия Н. Я. Бичурина:

«…статья “Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве Татарской АССР и Библиотеке Казанского университета”. Она принадлежала перу одного из учеников академика В. М. Алексеева, посла в Китае в 1945–1948 гг., специалиста по древней китайской философии Аполлона Александровича Петрова. Как отметил автор, ближайшей своей задачей он ставил отыскание рукописей именно Н. Я. Бичурина. А. А. Петрову удалось обнаружить десять рукописей Бичурина, относящихся к истории и географии Китая и сопредельных стран и китайскому языку» [5, Т. 4: 193].

В другой статье, описывающей связи советской дипломатии и Российской Духовной миссии в Китае, В. С. Мясников подробно описал деятельность А. А. Петрова в этом направлении, назвав его «известным китаеведом, учеником В. М. Алексеева» [5, Т. 5: 371].

Имя А. А. Петрова встречается и в исследованиях китайских историков, посвященных советско-китайским отношениям и подписанию договора 1945 года. Однако, как правило, это

краткие упоминания без специального анализа его личности и научного наследия [9], [10], [11].

Из этого можно сделать однозначный вывод: настало время серьезно исследовать жизненный путь А. А. Петрова и его вклад в китаеведение и развитие советско-китайских отношений.

ИСТОЧНИКИ

Основные документы по рассматриваемой в данной статье теме, хранящиеся главным образом в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), опубликованы в 4-м и 5-м томах серии «Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы»[1] под редакцией академика С. Л. Тихвинского. Эти сборники, издававшиеся на протяжении десятилетий, заслуженно признаны фундаментом современного отечественного китаеведения. Они впервые открыли для исследователей огромный пласт ранее неизвестных письменных материалов из российских и зарубежных архивов. Это касается как дипломатической переписки, так и документов о торговле, культуре и пограничном размежевании. В отличие от публикаций отдельных договоров, многотомные серии под редакцией С. Л. Тихвинского представляют собой комплексное воссоздание истории отношений России с Китаем, охватывая огромный период – от первых контактов в XVII веке до событий XX века. Эти издания служат эталоном академической публикации источников, на них опираются ученые во всем мире, в том числе ими сейчас активно пользуются историки КНР.

Представленные в данном собрании документов записи бесед посла СССР в Китайской Республике А. А. Петрова являются ценнейшими источниками, по которым можно реконструировать многие аспекты советско-китайских отношений того времени и важнейшие события внутренней жизни Китая. Запись беседы посла относится к группе дипломатических документов (источников официального происхождения). Являясь отражением содержания и результатов встреч высокопоставленного дипломата с представителями иностранного государства (министрами, политиками, другими послами), она обычно предназначена для информирования своего министерства иностранных дел о позиции страны пребывания. В такой записи, как правило, представлены: изложение хода беседы, аргументы сторон и их анализ, а в заключение – выводы посла, оценка реакции собеседника и предложения по последующим действиям. Записи бесед посла признаются историками высокоинформативным источником, однако, безусловно, носят отпечаток субъективности. Посол может по-своему интерпретировать слова собеседника, расставлять акценты или преувеличивать значимость своих доводов, в подобных записях всегда присутствует личностный момент. Для историка данный тип источника ценен тем, что позволяет проследить механизм формирования внешней политики и выявить скрытые мотивы сторон, которые не отражаются в итоговых официальных документах, а также понять роль конкретного посла в рассмотрении тех или иных вопросов и принятии решений.

ПЕРЕГОВОРЫ В ЧУНЦИНЕ И «СОГЛАШЕНИЕ ДВОЙНОЙ ДЕСЯТКИ»

В конце августа 1945 года при поддержке США и СССР и посредничестве американского посла Хёрли в Чунцине, где в годы Антияпонской войны разместилось китайское Национальное правительство, начались переговоры делегаций КПК и Гоминьдана. Гоминьдановское правительство по настоянию американских дипломатов трижды (14, 20 и 23 августа) направляло руководителям КПК приглашение прибыть в Чунцин на переговоры, однако первые два приглашения были отклонены, и лишь на третий раз Мао Цзэдун, занявший на VII съезде КПК пост председателя партии, согласился. Он дал положительный ответ только после получения гарантий личной безопасности от правительств США и СССР [4: 57].

Переговоры, проходившие в августе – октябре 1945 года, стали мирным диалогом между лидерами КПК и представителями Национального правительства, возглавляемого Чан Кайши. Основная их цель заключалась в предотвращении надвигавшейся гражданской войны и создании коалиционного правительства, а также легализации политических партий и созыве Политического консультативного совета для реформирования системы государственной власти. В переговорах приняли участие: со стороны КПК – Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и Ван Жофэй, со стороны Гоминьдана – Ван Шицзе, Чжан Цюнь, Чжан Чжичжун и Шао Лицзы. 10 октября 1945 года в резиденции Чжан Чжичжуна «Гуйюань» (桂园, Сад османтуса) стороны подписали соглашение, официально оформленное как «Протокол переговоров между представителями Правительства и Коммунистической партии Китая» (政府与中共代表会谈纪要). В литературе этот документ известен также как «Соглашение двойной десятки» («Шуаньшэ седин», 双十协定, то есть Соглашение 10 октября). Для обеих сторон эта дата имела огромное символическое значение. Во-первых, 10 октября

1911 года началось Учанское восстание, которое привело к свержению империи Цин и провозглашению Китайской Республики, так что подписание мирного соглашения именно в этот день должно было подчеркнуть приверженность обеих партий идеалам революции и единство нации после победы в войне с Японией. Во-вторых, в то время 10 октября считалось главным государственным праздником страны, и выбор этой даты для заключения соглашения стал мощным пропагандистским жестом: лидеры Гоминьдана и КПК дарили народу надежду на мир в день рождения республиканского государства. В-третьих, для обеих партий эта важная дата стала поводом заявить о своих правах на наследие «отца нации» – Сунь Ятсена, поскольку каждая из них старалась продемонстрировать, что является законным наследником основанной им республики и истинной продолжательницей дела революции 1911 года.

Большинство пунктов соглашения носили компромиссный характер, некоторые формулировки были весьма расплывчатыми. В соответствии с этим документом, КПК признавала Гоминьдан в качестве правящей партии, а Гоминьдан, в свою очередь, признавал КПК законной политической силой с равными правами. Обе партии давали обязательство избегать вооруженных столкновений и строить «новый Китай» на основе мира и демократии. В стране вводились основные демократические свободы и должна была произойти легализация всех политических партий. Отдельным пунктом предусматривался созыв Политического консультативного совета – специального органа, включавшего представителей всех ведущих политических партий для обсуждения будущей конституции и проведения реформ. Стороны договорились о сокращении и объединении своих войск в единую национальную армию, хотя конкретный механизм реализации этого пункта так и не был согласован. Однако ряд ключевых вопросов остался нерешенным, что позже привело к возобновлению войны в 1946 году.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Исследованием истории чунцинских переговоров и подписания «Соглашения двойной десятки» занимались ведущие советские и российские китаеведы. К числу наиболее интересных работ по этой теме относится книга одного из самых авторитетных отечественных историков-китаеведов академика С. Л. Тихвинского «Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая» [8], в которой автор подробно описывает ход переговоров, проходивших в Чунцине, и ту роль, которую в них сыграл Чжоу Эньлай. С. Л. Тихвинский убедительно показывает, как во взаимодействии с делегацией Национального правительства во всей полноте раскрылся его талант дипломата-переговорщика. В этой книге и других своих фундаментальных трудах академик С. Л. Тихвинский детально разобрал дипломатическую борьбу в Чунцине, подчеркивая тактическую гибкость лидеров КПК – Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая.

В книгах А. В. Меликсетова [4] и О. Е. Непомнина [6] описание переговоров в Чунцине и подписание соглашения удачно вписывается в общий контекст новейшей истории Китая и китайской революции.

Очень интересна насыщенная фактическим материалом книга дипломата и историка А. М. Ледовского, который, будучи в то время сотрудником посольства СССР в Чунцине, стал свидетелем описываемых событий: «СССР и Сталин в судьбах Китая» [3], являющаяся одной из самых авторитетных отечественных работ по данной теме. Он первым детально на основе архивов МИД СССР описал, каким образом И. В. Сталин лично заставил Мао Цзэдуна поехать на переговоры в Чунцин и как советская дипломатия оценивала ключевые пункты «Соглашения двойной десятки». А. М. Ледовский приходит к выводу, что чунцинское соглашение было результатом давления И. В. Сталина на Мао Цзэдуна, и доказывает, что Мао опасался лететь в Чунцин, считая это ловушкой, но Москва, по сути, не оставила ему выбора. Автор делает вывод, что итоговый документ был временным компромиссом, необходимым в то время Советскому Союзу, чтобы не допустить прямого вступления США в войну на стороне Чан Кайши.

Из новейших отечественных работ по данной теме следует отметить две статьи казанских историков Я. Я. Гришина, М. З. Галиуллина и Р. Р. Кадырова [1], [2], которые, рассматривая переговоры в Чунцине через призму советско-китайских отношений, представляют их как часть сложного геополитического маневра великих держав в конце Второй мировой войны, а не как изолированный внутрикитайский конфликт. Авторы подчеркивают, что переговоры проходили под сильным давлением внешних игроков – СССР и США, которые стремились установить влияние над послевоенным Китаем.

В КНР историки рассматривают «Соглашение 10 октября» как крупную политическую победу КПК и лично Мао Цзэдуна. Они подчеркива-

ют, что КПК искренне стремилась к миру, демократии и единству страны, а Мао Цзэдун проявил поистине великое мужество, отправившись в Чунцин, где мог ожидать любого вероломства со стороны Чан Кайши. Соглашение трактуется как инструмент, который помог сорвать планы руководителей Гоминьдана по немедленному развязыванию гражданской войны. Акцент делается на том, что Гоминьдан был вынужден официально признать КПК равноправной партией, что стало концом периода однопартийной диктатуры.

Профессор Восточно-Китайского университета Ян Куйсун, являющийся одним из самых авторитетных современных исследователей отношений между КПК и Гоминьданом, активно использует архивные данные для анализа того, как Мао Цзэдун в то время балансировал между давлением Сталина и необходимостью завоевать симпатии США. Он утверждает, что ни Гоминьдан, ни КПК не были свободны в своих решениях, и приходит к выводу о том, что Сталин и Трумэн фактически навязали лидерам Китая формат переговоров, исходя из логики раздела сфер влияния в мире после Ялтинской конференции, что «Соглашение 10 октября» было обречено на провал именно потому, что великие державы извне требовали от обеих сторон мира, к которому ни Чан Кайши, ни Мао Цзэдун не были готовы внутренне [12]. Ян Куйсун обращается к записям бесед А. А. Петрова с Чжоу Эньлаем, описывает его встречи с руководством КПК в августе – октябре 1945 года и то, как Петров транслировал «советы» Сталина, которые Мао Цзэдун воспринимал с большой осторожностью.

Другой известный китайский историк Ян Тяньши, основываясь в том числе на записях из дневника Чан Кайши за август 1945 года, в своих работах раскрывает истинные мотивы лидера Гоминьдана и внутреннюю борьбу в партии [13], [14]. Ян Тяньши указывает, что Чан Кайши отправил первые два приглашения лидеру КПК, будучи абсолютно уверенным, что Мао Цзэдун не приедет, исключительно для того, чтобы продемонстрировать свою «искренность» перед международным сообществом, особенно перед США, и переложить ответственность за возможную гражданскую войну на коммунистов. Когда 24 августа пришло подтверждение, что Мао Цзэдун готов лететь в Чунцин в сопровождении американского посла Патрика Хёрли, Чан Кайши охватила тревога от того, что ему придется принимать злейшего врага как почетного гостя. Ян Тяньши приводит сведения о том, что, когда переговоры уже шли, Чан Кайши рассматривал возможность ареста или даже ликвидации Мао Цзэдуна, и подчеркивает, что Чан Кайши отказался от ареста Мао исключительно из-за «международного фактора», так как и в СССР, и в США пристально следили за безопасностью Мао Цзэдуна. Он утверждает, что приглашение было политическим маневром, который сорвался из-за решимости Мао и давления сверхдержав, превратив чунцинские переговоры в сложную дипломатическую игру, где обе стороны понимали неизбежность будущей войны.

Таким образом, по мнению большинства китайских историков, «Соглашение двойной десятки» было не только внутренним компромиссом, но и результатом сложного баланса интересов между КПК, Гоминьданом и великими державами (СССР и США).

БЕСЕДЫ А. А. ПЕТРОВА С УЧАСТНИКАМИ ПЕРЕГОВОРОВ В ЧУНЦИНЕ

А. А. Петров очень внимательно следил за ходом переговоров между представителями КПК и Гоминьдана в Чунцине и их дальнейшими отношениями. Этому способствовали его личные встречи и беседы с видными политическими деятелями. 6 сентября 1945 года он принял у себя Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Ван Жофэя, которые подробно рассказали ему о ходе переговоров, сделав акцент на том, что Чан Кайши и его партия не желают переходить к демократической форме управления государством, в то время как КПК выступает за немедленный созыв политической конференции с участием в ней представителей КПК, Гоминьдана, Демократической лиги и беспартийных[2]. 7 сентября А. А. Петров сумел переговорить с видным гоминьдановцем – сыном Чан Кайши Цзян Цзинго, который попытался смягчить ситуацию и объяснить позицию Гоминьдана по вопросу сокращения войск и вооружений[3].

Наиболее обстоятельная беседа с руководством КПК произошла 10 октября, сразу после подписания «Соглашения двойной десятки», в связи с отъездом Мао Цзэдуна в Яньань, когда посол А. А. Петров пригласил его на обед вместе с другими членами делегации КПК – Чжоу Эньлаем и Ван Жофэем. С советской стороны на обеде присутствовали: советник Посольства Л. М. Миклашевский, военный атташе генерал-майор Н. В. Рощин и первые секретари Н. Т. Федоренко и А. М. Ледовский[4]. На вопрос советского посла, как он оценивает результаты переговоров между Чан Кайши и представителями КПК, Мао Цзэдун ответил: «Нельзя

сказать, чтобы эти результаты были отличными, нельзя сказать, чтобы они были хорошими, но нельзя сказать и того, чтобы они были совершенно плохими»[5].

Представители КПК говорили о том, что гоминьдановские делегаты взяли курс на затягивание переговоров, к тому же на их ход негативно влияло вмешательство американского посла Хёрли. Очень подробно Мао Цзэдун и его однопартийцы остановились на военной составляющей соглашения, говоря о том, что гоминьдановцы попытались их перехитрить и навязать невыгодное для КПК соотношение воинских формирований, но КПК жестко отстаивает свои позиции. Мао Цзэдун, говоря о внешнеполитических установках Чан Кайши и его правительства, подчеркивал, что ориентироваться целиком на США Чан Кайши не решается в силу растущего международного влияния СССР, но ориентироваться целиком на СССР он тем более не может. Отношение Чан Кайши к КПК, по мнению Мао, определялось следующими факторами: силой КПК, международным весом СССР, положением в Синьцзяне и наличием Красной армии в Маньчжурии.

Очень интересны наблюдения присутствовавшего на этой встрече советского дипломата А. М. Ледовского о том, как вел себя Мао Цзэдун во время беседы с А. А. Петровым. Ледовский пишет о том, что Мао Цзэдун говорил мало, беседу в основном вели Чжоу Эньлай и Ван Жофэй.

«Когда вопрос касался политического характера, Мао Цзэдун медленно поворачивал голову в сторону Чжоу Эньлая и тот излагал ответ. Мао Цзэдун изредка дополнял его своими репликами. Если разговор касался военных проблем, Мао Цзэдун поворачивал голову в сторону Ван Жофэя» [3: 263].

К этому А. М. Ледовский добавляет несколько важных штрихов, касающихся манеры Мао Цзэдуна вести беседу:

«Его движения были очень спокойными, медленными, плавными. Такой же спокойной была и его манера разговаривать. Лицо хладнокровное, напоминающее маску» [3: 263].

Любопытно, что при чтении записей беседы посла создается впечатление, что главным рассказчиком был сам Мао Цзэдун. Очевидно, что в официальном документе нельзя было обращать внимание на те детали, которые можно свободно излагать в мемуарах. Важна была общая оценка переговоров со стороны руководства КПК.

Записи бесед посла начала 1946 года свидетельствуют о том, что военно-политическая обстановка в Китае коренным образом изменилась, и коммунисты обвиняли в этом Гоминьдан, сорвавший перемирие и перешедший к военным действиям, сменявшимся иногда кратковременным прекращением огня. Об этом, например, свидетельствует беседа посла А. А. Петрова с секретарем ЦК КПК Чжоу Эньлаем о военно-политической обстановке, состоявшаяся 16 января[6]. Чжоу Эньлай рассказал о том, что бои прекратились и он пытается наладить диалог. В политическом плане он отметил, что партия Демократическая лига выступает за строгое выполнение Чан Кайши своих обещаний и постепенно склоняется на сторону КПК. На вопрос А. А. Петрова, какую конкретную программу КПК противопоставляет Гоминьдану, Чжоу ответил, что КПК еще не выдвинула своей программы, хотя основные положения ее ясны: добиться принятия подлинно демократической конституции, рассредоточить политическую и военную власть, ограничив права президента и кабинета министров, добиться самоуправления в провинциальных правительствах, достичь соглашения о 20 пехотных дивизиях КПК.

Через месяц А. А. Петров вновь дважды встречался с Чжоу Эньлаем и имел с ним длительные беседы об итогах Политической консультативной конференции (ПКК) и внутреннем положении в стране. Успехи в проведении ПКК, по мнению Чжоу, были обусловлены тем, что «на Чан Кайши был оказан большой нажим извне»[7]. Кроме того, Чжоу очень подробно рассказал о политической борьбе внутри Гоминьдана и усилении в нем правых группировок, выступающих против перемирия с КПК и критикующих представителей левого крыла или просто реалистически мысливших политиков, таких как Сунь Фо, Шао Лицзы, Чжан Цюнь и др. «Когда же кто-то сказал, что эти решения одобрены Чан Кайши, то Чжан Даофань и Сяо Тунцзы ответили, что ему нужно тоже “сбрить усы”»[8]. Оправдываясь перед правыми, Чан Кайши даже заявил, что уступки КПК со стороны Гоминьдана «сделаны под давлением США»[9]. Во время следующей беседы Чжоу Эньлай предупредил А. А. Петрова о появлении внутри Гоминьдана новой группировки – «Гэсиньпай» («Реформаторы»), которая выступала за развертывание политической борьбы против КПК и даже за ограничение власти Чан Кайши[10].

В итоге посол имел возможность проинформировать советское руководство о том, что в Гоминьдане нарастали правые тенденции, имевшие ярко выраженный антикоммунистический и опосредованно антисоветский характер, усиливалось давление на Чан Кайши и ограничивались

возможности для деятельности представителей левого крыла и ветеранов партии, выступавших за развитие дружественных связей с СССР (Сун Цинлин, Фэн Юйсяна, Сунь Фо)[11]. В такой ситуации необходимо было понять и проанализировать позицию так называемой третьей силы – небольших демократических партий, стоявших в политическом плане между КПК и Гоминьданом, и для этого А. А. Петров встречался с их руководителями. Показательна его беседа с руководителем чунцинского отделения Демократической лиги Чжан Боцзюнем на обеде в советском посольстве 2 января 1946 года. Чжан подтвердил, что его партия привержена идее демократизации страны и создания коалиционного правительства[12]. В дальнейшем Демократическая лига начала активно сближаться с КПК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение деятельности А. А. Петрова на посту посла СССР в Китае и анализ его бесед с представителями КПК, Гоминьдана и других партий дает возможность оценить как его личный вклад в развитие советско-китайских отношений после Второй мировой войны, так и характер его взаимоотношений с основными политическими силами Китая. Доверительный характер этих бесед демонстрирует уважение, с которым к нему относились многие ведущие государственные лица и политики. Советское руководство, благодаря его скрупулезной работе по сбору политической информации, было хорошо осведомлено о событиях, происходивших в Китае, и о характере противостояния КПК и партии Гоминьдан.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 г. Кн. 2. 1945 г. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 704 с. (далее – Т. 4); Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. V: Советско-китайские отношения. 1946 – февраль 1950 г. Кн. 1: 1946–1948 гг. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 520 с. (далее – Т. 5).
[2] Т. 4. С. 230–233.
[3] Там же. С. 233–235.
[4] Там же. С. 266–269.
[5] Там же. С. 266.
[6] Т. 5. С. 41–45.
[7] Там же. С. 54.
[8] Там же. С. 55.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 60.
[11] Там же. С. 57, 60.
[12] Там же. С. 32.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Взаимоотношения СССР и Китайской Республики в первой половине 1945 года: по страницам документов // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13, № 1 (42). С. 5–5. DOI: 10.24412/2311-1763-2025-1-5-5
2. Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Советско-китайские отношения на этапе завершения Второй мировой войны (вторая половина 1945 года) // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13, № 4 (45). С. 29–29. DOI: 10.24412/2311-1763-2025-4-29-29
3. Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 344 с.
4. Меликсетов А. В. Победа китайской революции: 1945–1949. М.: Наука, 1989. 181 с.
5. Мясников В. С. Касательский ключ китаеведа: Сочинения: В 7 т. М.: Наука, 2014.
6. Непомнин О. Е. История Китая. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2011. 736 с.
7. Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. 416 с.
8. Тихвинский С. Л. Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая. М.: Восточная литература РАН, 1996. 574 с.
9. 李秀芳。光明中的阴影”—国民党军队在大连登陆的失败 // 党史研究与教学。2011。第1期。85–98。(Ли Сюфан. Тени на свету: провал высадки гоминьдановских войск в Даляне // Данши яньцзю юй цзяосюэ. 2011. № 1. С. 85–98).
10. 周锦涛。 对日受降时期中共与苏联关系考察 // 历史研究。 2018 年。第6 期。91–104。(Чжоу Цзиньтао. Исследование взаимоотношений между КПК и Советским Союзом в период капитуляции Японии // Лиши яньцзю. 2018. № 6. С. 91–104).
11. 周锦涛。战后政权接收视域下国民政府与苏联的关系 // 复旦学报 (社会科学版) 。 2018 年。第5 期。71–81。(Чжоу Цзиньтао. Отношения между гоминьдановским правительством и СССР в контексте послевоенной передачи власти // Фудань сюэбао. 2018. № 5. С. 71–81).

12. 杨奎松。 大国关系与重庆谈判的结局 // 近代史研究。1999。 第3期。137–172。(Ян Куйсун. Отношения великих держав и исход переговоров в Чунцине // Цзиньдай ши яньцзю. 1999. № 3. С. 137–172).
13. 杨天石。 蒋何以邀毛, 毛何以应邀? ——美苏两强与重庆谈判的关系 (上) // 江淮文史。2014。第 6 期。40–61。(Ян Тяньши. Почему Чан Кайши пригласил Мао Цзэдуна, и почему Мао принял приглашение? Взаимосвязь отношений двух держав (США и СССР) и переговоров в Чунцине. Часть 1 // Цзянхуай вэньши. 2014. № 6. С. 40–61).
14. 杨天石。 蒋何以邀毛, 毛何以应邀? ——美苏两强与重庆谈判的关系 (下) // 江淮文史。2015。 第 1 期。36–55。(Ян Тяньши. Почему Чан Кайши пригласил Мао Цзэдуна, и почему Мао принял приглашение? Взаимосвязь отношений двух держав (США и СССР) и переговоров в Чунцине. Часть 2 // Цзянхуай вэньши. 2015. № 1. С. 36–55).

Поступила в редакцию 25.12.2025; принята к публикации 26.01.2026

Original article

Nikolay A. Samoylov, Dr. Sc. (History), Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

MEETINGS OF THE SOVIET AMBASSADOR TO CHINA A. A. PETROV WITH REPRESENTATIVES OF THE CHINESE COMMUNIST PARTY AND THE KUOMINTANG IN 1945 AND EARLY 1946

A b s t r a c t . The article examines the activities of Apollon Aleksandrovich Petrov, the Soviet Ambassador to the Republic of China, in 1945 and early 1946. It was a complicated period in China's modern history, when, following the end of World War II, a fragile peace was temporarily established in China, with negotiations taking place between the Communist Party of China (CPC) and the Kuomintang on the country's future. The Soviet government at that time sought to prevent a new outbreak of civil war, striving for a unified China and an agreement between the two leading political parties to be reached through mutual concessions. A. A. Petrov, the Soviet Ambassador to the Republic of China and a prominent sinologist, played a crucial role in communicating this position to the Chinese side. He met with the leaders of both the National Government and the CPC and discussed the most pressing issues on the current agenda. The article aims to reconstruct the situation that developed during the negotiations in Chongqing between the CPC and the Kuomintang and after the signing of the peace agreement, as well as to demonstrate the role of Soviet diplomacy and Ambassador A. A. Petrov's personal role in maintaining contacts between the two parties. The novelty of the research stems from the fact that there have been no previous studies investigating the life and work of A. A. Petrov.

K e y w o r d s : Soviet-Chinese relations, Soviet Embassy in Chongqing, A. A. Petrov, Communist Party of China, CPC, Kuomintang, Mao Zedong, Chiang Kai-shek

F o r c i t a t i o n : Samoylov, N. A. Meetings of the Soviet Ambassador to China A. A. Petrov with representatives of the Chinese Communist Party and the Kuomintang in 1945 and early 1946. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2026;48(2):9–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1275

REFERENCES

1. G r i s h i n , Y a . Y a . , G a l i u l l i n , M . Z . , K a d y r o v , R . R . Relations between the USSR and the Republic of China in the first half of 1945: by document pages. *Nauka. Obŝestvo. Oborona = Science. Society. Defense.* 2025;13(1-42):5–5. DOI: 10.24412/2311-1763-2025-1-5-5 (In Russ.)
2. G r i s h i n , Y a . Y a . , G a l i u l l i n , M . Z . , K a d y r o v , R . R . Soviet-Chinese relations at the end of World War II (second half of 1945). *Nauka. Obŝestvo. Oborona = Science. Society. Defense.* 2025;13(4):29–29. DOI: 10.24412/2311-1763-2025-4-29-29 (In Russ.)
3. L e d o v s k y , A . M . The USSR and Stalin in China's fate. Documents and evidence of a participant in the events: 1937–1952. Moscow, 1999. 344 p. (In Russ.)
4. M e l i k s e t o v , A . V . The victory of the Chinese Revolution: 1945–1949. Moscow, 1989. 181 p. (In Russ.)
5. M y a s n i k o v , V . S . The sinologist's Castalian Spring: Collected works in 7 vols. Moscow, 2014. (In Russ.)
6. N e p o m n i n , O . E . History of China. XX century. Moscow, 2011. 736 p. (In Russ.)
7. N i k i f o r o v , V . N . Soviet historians on the issues of China. Moscow, 1970. 416 p. (In Russ.)
8. T i k h v i n s k y , S . L . The path of China to unification and independence, 1898–1949: Based on the biography of Zhou Enlai. Moscow, 1996. 574 p. (In Russ.)
9. 李秀芳。 光明中的阴影"—国民党军队在大连登陆的失败 // 党史研究与教学。2011。第1期。85–98。
10. 周锦涛。 对日受降时期中共与苏联关系考察 // 历史研究。 2018 年。第6 期。91–104。
11. 周锦涛。 战后政权接收视域下国民政府与苏联的关系 // 复旦学报 (社会科学版) 。 2018 年。第5 期。71–81。
12. 杨奎松。 大国关系与重庆谈判的结局 // 近代史研究。1999。 第3期。137–172。
13. 杨天石。 蒋何以邀毛, 毛何以应邀? ——美苏两强与重庆谈判的关系 (上) // 江淮文史。2014. 第 6 期。40–61。
14. 杨天石。 蒋何以邀毛, 毛何以应邀? ——美苏两强与重庆谈判的关系 (下) // 江淮文史。2015。第 1 期。36–55。

Received: 25 December 2025; accepted: 26 January 2026